

Ретроспектива

**КОНЦЕПЦИЯ «РУССКОГО СЕВЕРЯНСТВА»
В ГЕРОИЧЕСКИХ ОДАХ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
(К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)**

*А.А. Кара-Мурза
Институт философии РАН*

Аннотация: *В статье исследуется вопрос о роли поэта и государственного деятеля Гавриила Романовича Державина (1743–1816) в развитии концепции «русского северянства» — богатой «идентификационной матрицы», сыгравшей заметную роль в истории русской геополитической и философско-идеологической мысли XVIII — первой трети XIX вв. и отодвинутой на дальний план только в середине XIX в., с началом классического русского противостояния «западников» и «славянофилов».*

Ключевые слова: *история России, национальная идентичность, геополитика, «русское северянство», западничество, культура, литература.*

Примерно с середины XIX в., т. е. с началом классического русского противостояния «славянофилов» и «западников», Россию, как культурно-цивилизационное и геополитическое образование, принято рассматривать в координатах «Восток — Запад» [Кара-Мурза 1993: 90–96; Кара-Мурза 1999]. Между тем, так было далеко не всегда. На протяжении всего XVIII в., и даже в первой трети века XIX-го, влиятельной политико-идеологической концепцией, активно претендовавшей на роль официальной идеологии, была идея «русского северянства». В начале двадцать первого столетия, в связи с новой перенастройкой мировой геополитики по оси «Цивилизованный Север — варварский Юг», концепции «русского северянства», вполне возможно, предстоит обрести новую жизнь.

Идея «северянства» в отечественной культуре второй половины XVIII — начала XIX вв. подпитывалась главным образом из двух источников: с одной стороны, геополитических; с другой — литературных. Как известно, ближайшим сотрудником сначала супруги наследника престола, а затем императрицы Екатерины II, был граф Никита Иванович Панин, чьим геополитическим идеалом был т. наз. «Северный аккорд» — союз, под эгидой России и при благожелательном нейтралитете Англии, государств Северной Европы (Швеции, Дании, Пруссии, Речи Посполитой) против «южных» династий Бурбонов и Габсбургов и поощряемой Францией Оттоманской Порты. Именно времена альянса молодой Екатерины и Панина, когда идеи «северянства» определяли российскую державную идентичность, русский литератор, князь-юрюкович П.А. Вяземский, сам безусловный «северянин», назовёт в одной из за-

писок 1861 г., написанной на французском языке, «наиболее русскими» в многовековой истории России: «Общество, хотя и увлекалось блеском, обаянием и, признаемся, зачастую даже уклонениями Европейской цивилизации (*les écarts de la civilisation Européenne* — *франц.*), но, однако, в себе живой элемент своей национальности и, сравнительно с тем, чем оно стало впоследствии, — было более Русским» [Вяземский 1882: 73; см. также: Кара-Мурза 2006: 6–12].

Однако к началу 1780-х гг. идеи «Северного аккорда» в русской внешней политике постепенно сошли на нет: Екатерина II начала демонстративное сближение с вчерашними неприятелями — Бурбонами, Габсбургами и с их, ещё более «южными», европейскими сателлитами. А в 1783 г. скончался граф Н.И. Панин, а его друзья-масоны, стремившиеся к конституционным преобразованиям в России «по шведскому образцу», стали объектом гонений.

Между тем, идеи «северянства» продолжили свое бытование в русской культуре и, в частности, в достигшей тогда своих вершин (даже по сравнению с образцами Ломоносова, Сумарокова или Тредьяковского) придворной одической поэзии. Одним из главных идеологов «северянства» стал в те годы Гавриил Романович Державин (1743–1816), самобытный литератор, занимавший в разное время высокие государственные должности: при Екатерине II — Олонецкого, затем Тамбовского губернатора, кабинет-секретаря императрицы и Президента Коммерц-коллегии; при Александре I — министра юстиции. Основным поприщем, на котором проявились «идеологические» амбиции и самобытный литературный талант поэта-сановника Державина, стало написание им величественных од и иных сочинений, воспевавших доблести членов императорской фамилии (и, разумеется, самих самодержцев, в первую очередь), а также громких побед русского оружия.

Представления об историческом происхождении и пути Руси/России были у Гавриила Романовича устойчивыми, но и весьма своеобразными. Он, например, полагал, что «россияне» явились результатом сожителства и последующего синтеза двух общностей — «финнов» и «гуннов»: «Финны и Гунны — северные и восточные главные народы, из коих Россия составила. Первые, рыжеволосые, питались разбоем по Варяжскому и Балтийскому морю; вторые, узкоглазые, скитались по степям, не имели хлебопашества, кроме скотоводства; но после, под правлением России, учинились пахарями» [Державин 1866: 612]. Свой собственный род Державин уверенно относил к осевшим кочевникам-«гуннам» и считал себя потомком татарского мурзы Багрима, перешедшего в XV в. в подданство Великого московского князя-рюриковича (т. е. «финна») Василия Васильевича Темного [Державин 1866: 419, 593; Грот 1880: 19].

Парадокс литературного творчества Державина, развивавшегося параллельно с его не всегда гладко складывавшейся служилой карьерой, состоял в том, что его первые литературные успехи стали продуктом писательской стилизации вовсе не под парадигму «русского северянства» (условно говоря, — «финнско-варяжскую»), а ровно наоборот — под более органичную, как он считал, для него идею «юго-восточную», выражаясь словами самого Державина — «гуннскую».

Речь идёт в первую очередь о знаменитой державинской Оде «Фелица» (1782), в которой автор представил государыню-императрицу Екатерину мудрой «киргиз-кайсацкой царевной», а самого себя — верноподданным и проницательным советником — «мурзой Багримом». Судя по воспоминаниям княгини Е.Р. Дашковой, с некоторым риском для себя впервые опубликовавшей державинскую оду в «Собеседнике любителей русского слова», Екатерина с трепетной благодарностью приняла эту «восточную игру» («откуда он меня так хорошо знает?» — прослезившись, восклицала она, в очередной раз перечитывая оду Державина), а потом щедро одарила автора золотой, инкрустированной бриллиантами и набитой

червонцами табакеркой с припиской: «От Киргизской Царевны — мурзе Багриму» [Державин 1866: 555].

Историко-литературные источники, однако, свидетельствуют, что «восточная идиллия» между «киргизской царевной» и ее «верноподданным мурзой-поэтом» длилась недолго. Державин, всерьёз рассчитывавший тогда получить губернаторство над богатой и хорошо ему знакомой Казанской губернией, получил в итоге назначение на крайний север — губернатором вновь создаваемой Олонецкой губернии с центром в Петрозаводске. Как бы там ни было, с конца 1780-х гг. Державин — уже верный апологет новой, и ранее непривычной для него, идентификационной матрицы «русского северянства», которую он не устанет теперь варьировать в своих стихотворных сочинениях.

В самом конце 1788 г., во время очередной русско-турецкой войны, Г.Р. Державин (тогда — тамбовский губернатор) написал оду «Осень во время осады Очакова», где впервые использовал художественный мотив «всепобеждающей зимы» — «седой чародейки», естественным образом выступающей в сражениях на стороне северян-россов. Безуспешно осаждаемая всю осень 1788 г. войсками князя Г.А. Потемкина турецкая крепость Очаков пала только с приходом настоящих морозов, 6 декабря, в «Николин день», и явно с помощью высших сил и воплощающих их «северной богини-императрицы»:

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовёт,
Идёт седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

.....
Российский только Марс, Потемкин
Не ужасается зимы...

.....
Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини Северной сыны! [Державин 1864: 225–227]

Разворот Г.Д. Державина в сторону «русского северянства» произошёл в значительной мере под влиянием «нордических» предпочтений самой императрицы Екатерины II, увлечённой опытом историко-художественных реконструкций «времен Рюрика» [см.: Моисеева 1974: 289–295], и вошедшей тогда в России в моду «северной поэзии» древнего ирландского барда Оссиана — через ее литературные переложения англичанином Дж. Макферсоном в удачном русском переводе Е.И. Кострова. К тому же, привычным «наставником» отечественных литераторов в «северной мифологии» (не только Державина, но и, к примеру, Н.М. Карамзина) продолжал оставаться в те годы немецкий поэт Фридрих Готтлиб Клопшток [см.: Державин 1865: 271]; известно также, что Державин любил держать под рукой переведённое на русский язык «Введение в историю датскую» Поля Анри Малле [Державин 1864: 655] и т. д.

Особую роль в развитии Державиным идей «русского северянства» сыграл его одический цикл, посвящённый победным походам Александра Васильевича Суворова. Державин и Суворов были знакомы ещё с осени 1774 г., когда вместе преследовали в Яицких степях уже обречённого на поражение «самозванца» Емельяна Пугачева. Но, как установил биограф Державина, академик Я.К. Грот, оказывается, в товарищеских отношениях были ещё их

отцы, служившие одно время рядом, — генерал Василий Иванович Суворов и отставленный полковником Роман Николаевич Державин [Грот 1880: 31].

В начале мая 1799 г. Г.Р. Державин написал в Санкт-Петербурге оду «На победы в Италии графом Суворовым-Рымникским французов», начатую им ещё в апреле, при получении первых известий об успехах А.В. Суворова в Северной Италии и взятии ведомыми им русско-австрийскими войсками Брешии, Бергамо, а, после победы на реке Адда (15–17 апреля, ст. ст.), и Милана, повлѣкшим за собой крах наполеоновской «Цезальпинской республики».

В первом издании оды «На победы в Италии» есть прямое авторское указание Державина на то, что живописуя победы друга-Суворова, он поставил целью сравнить новейшие победы «героя-росса» с древними подвигами легендарного Рюрика во Франции: «Ода сия основана на древнем северных народов баснословии. Валка — небесная дева. Барды — певцы богов и героев. Валкал — рай храбрых. По истории известно, что Рюрик завоевал Нант, Бордо, Тур, Лимузен, Орлеан и по Сене был под Парижем» [Державин 1865: 271].

Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит,
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.

.....

Так он! — Се Рюрик торжествует
В Валкале звук своих побед
И перстом долу показывает
На росса, что по нем идёт.
«Се мой, — гласит он, — воевода!
Воспитанный в огнях, во льдах,
Вождь бурь полночного народа... [Державин 1865: 270–275]

А в сентябре 1799 г., находясь при дворе императора Павла I в Гатчине, Державин узнал о новых подвигах Суворова — его стремительном броске от итальянской Белинцоны к горному перевалу Сен-Готард и уникальном по смелости переходе через Альпы в Швейцарию — и написал оду «На переход Альпийских гор» в духе «северной» поэзии Оссиана:

Чрез неприступны переправы
На высоте ты новой славы
Явился, северный Орел!
Но что, не дух ли Оссиана
Певца туманов и морей,
Мне кажет под луной Морана (варяжского героя. — А.К.)
Как шел он на царя царей (читай: Наполеона — А.К.) [Державин 1865: 278]

Когда 6 мая 1800 г. А.В. Суворов скончался в Петербурге, в доме на Крюковом канале, у своего родственника, поэта и сановника Д.И. Хвостова, Державин, бывший при кончине друга до последних мгновений, написал одно из самых знаменитых своих стихотворений — «Снигирь», где уподобил покойного героя-полководца маленькой северной птичке — народной любимице. Об обстоятельствах написания этого поэтического шедевра, где «северный Снигирь» образно противостоит «африканской Гиене», под которой имелась в виду коварная наполеоновская Франция, Державин вспоминал так: «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя (Суворова. — А.К.) возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поёт военную песнь, написал сию

оду в память столь славного мужа» [Державин 1866: 677; см. также: Ларкович 2010: 62–72]. «С кем мы пойдём войной на Гиену?», — тревожно вопрошает в поминальной оде Державин и печально констатирует: идти на «южных варваров» теперь не с кем — «северны громы в гробе лежат...».

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдём войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат [Державин 1865: 344].

В начале 1810 г., во время очередной турецкой кампании, новым главнокомандующим русской армией, после затяжной осады Силистрии, был назначен граф Николай Михайлович Каменский — сын недавно умершего фельдмаршала М.Ф. Каменского. Державин, уже проживавший в отставке в новгородском имении Званка, поэтически назвал молодого Каменского «северным Фениксом» («*восставшим из праха отча*») и назначенного на высокий пост императором Александром («*царём Норда*») на счастье Петербургу («*Парнасу меж льдов*») и на погибель «*Стамбулу*», а заодно и всей «*магометанской Азии*»:

Феникс сей, из праха отча
Встав, парит во звёздный круг
Гордость, зависть, злоба, молча
В нем признав воинский дух,
Защищать Стамбул престанут,
В Азию Магмет уйдёт.
Вновь Эллады лиры грянут,
И почтит тогда весь свет
Александра алтарями.
Но доколе совершится
Древний сей пророчий глас,
Норда царь тем веселится,
Что меж льдов растёт Парнас» [Державин 1866: 40–41]

Апофеозом «северянской» одической поэзии Г.Р. Державина явился, конечно же, его знаменитый «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества», написанный осенью 1812 г. после решительного перелома в ходе Отечественной войны. Взяв за основу тему из Апокалипсиса: «*Змей с агнцем брань сотворят, и агнец победит его*» (гл. 17, ст. 14), Державин изобразил «князем тьмы» — Наполеона, а в образе «белорунного агнца» представил Александра I, вступившего на русский («северный») престол, как известно, под знаком Овна:

И движут ось всея вселены.
Бегут все смертные смятенны
От князя тьмы и крокодильных стад.
Они режут, свистят и всех страшат;
А только агнец белорунный,
Смиранный, кроткий, но челоперунный,
Восстал на Севере один, —
Исчез змей — исполин» [Державин 1866: 140]

«Нордические ветра», согласно с Державину, в очередной оказались могущественнее «южного Афра»:

«Или аспид, лютый змей,
Бежит так с пол, коль Север дует
И Афра за собою чует...» [Державин 1866: 149]

И «Север» вновь, как и во времена Рюрика, вновь посрамил «Вавилон на Сене» — Париж:

О новый Вавилон, Париж!
.....
Ты мнил попать нас и мечом,
Забыв, что северные силы
Всегда на Запад ужас наносили;
Где ж мамелюк твой, где элит?
О вечный Сене стыд!
[Державин 1866: 153–154; см. также: Коровин 2012: 42-52]

* * *

...Изучая жизнь и деяния любой крупной личности, — а ей, несомненно, был Гавриил Романович Державин, — нелегко установить границу между спонтанно формирующимся личностным мировоззрением («идеями») и специально сконструированными, и в этом смысле искусственными, «идеологиями» [Кара-Мурза 2012: 27–44; Жукова 2006: 105–116]. Это тем более затруднительно в отношении талантливого литератора, чьим профессиональным кредо и — одновременно — способом существования было порождение все новых и новых зарифмованных художественных смыслов — тем более, в условиях жёстких политико-идеологических норм и ограничений [Жукова 2013: 179–188].

Однако, одно несомненно: Г.Р. Державин всю жизнь был склонен к мифотворчеству, в том числе, откровенному «конструированию» им образа собственной судьбы, предельному вниманию к оставляемому потомкам литературному и биографическому наследию. Это касается, например, созданного самим Державиным известного мифа о себе-младенце, который, увидев зимой 1744 г. ярко-светящуюся комету и потянувшись к ней детской ручкой, якобы пролетел первое в своей жизни слово: «Бог»! [Державин 1869: 414]

Деконструкция мифологического образа достойного человека всегда считалась делом неблагодарным, но для профессионального исследователя — неизбежным и необходимым. Поэтому приходится напомнить, что в начале 1744 г., когда знаменитая «комета Шезо» (по имени ее французского первооткрывателя) была видна на территории России, младенцу Державину было месяцев семь-восемь, и наиболее упёртые скептики ещё при жизни поэта засомневались в правдивости рассказанной им истории. Тогда Державин «подкорректировал» ее, написав в известных «Объяснениях» к своим «Сочинениям», что речь, разумеется, шла о зимних месяцах *конца 1744 года*: «Родился он (Державин писал о себе в третьем лице. — А.К.) 1743 года 3 июля, а в 1744 г., в зимних месяцах, когда явилась комета, то он, *был около двух годов* (курсив мой. — А.К.), увидев оную и показав пальцем, быв у няньки на руках, первое слово сказал: *Бог*» [Державин 1866: 594].

Увы, астрономия — наука предельно точная, и она установила абсолютно однозначно: самая известная в XVIII-ом столетии «комета Шезо» была наблюдаема с Земли с 10 января по 3 марта (по юлианскому календарю) 1744 г., и поэтому ни о каком «*конце 1744 года*» здесь не может быть и речи.

Как бы там ни было, но Г.Р. Державин вошёл в русскую культуру именно как классик «русского северянства». На выставленной в Третьяковской галерее картине итальянца Сальваторе Тончи, написанной в 1801 г., Державин изображён на фоне северного пейзажа в богатой собольей шубе и шапке. Под портретом, на диком камне, художник разместил латинское двустишие: «Правосудие изображено в виде скалы, пророческий дух — в румянном восходе, а сердце и честность — в белизне снега» [Державин 1865: 397–404].

Картина Сальватора Тончи потрясла в свое время воображение юного князя Петра Андреевича Вяземского, которому, вослед Державину, предстоит продолжить философско-литературные традиции «русского северянства». В статье «О Державине» (1816), написанной на смерть любимого поэта, Вяземский отметит: «Живописец-поэт изловил и, если смею сказать, приковал к холсту божественные искры вдохновения, сияющие на пиитическом лице северного барда... Картина, изображающая Державина в царстве зимы, останется навсегда драгоценным памятником как для искусства, так и для ближних, оплакивающих великого и добродушного старца» [Вяземский 1878: 20].

Вяземский П.А. 1878. *Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. I.* — СПб.

Вяземский П.А. 1882. *Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. VII.* — СПб.

Грот Я.К. 1880. *Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом.* — СПб.

Державин Г.Р. 1864. *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. I.* — СПб.

Державин Г.Р. 1865. *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. II.* — СПб.

Державин Г.Р. 1866. *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. III.* — СПб.

Державин Г.Р. 1869. *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. VI.* — СПб.

Державин Г.Р. 1880. *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. VIII.* — СПб.

Жукова О.А. 2006. История русской культуры и современность. — *Вопросы истории.* — № 8.

Жукова О.А. 2013. Субкультура власти и социальный порядок в России. — *Полис. Политические исследования.* — № 2.

Кара-Мурза А.А. 1993. Что такое российское западничество? — *Полис. Политические исследования.* — № 2.

Кара-Мурза А.А. 1999. *Как возможна Россия? Статьи и выступления разных лет.* — М.

Кара-Мурза А.А. 2006. *Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв.* — М.

Кара-Мурза А.А. 2012. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст. — *Философский журнал.* — № 2 (9).

Коровин В.Л. 2012. Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества». — *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.* — Т. 71. — № 6.

Ларкович Д.В. 2010. Державин и Суворов: творческое взаимодействие автора и героя. — *Русская литература*. — № 4.

Моисеева Г.Н. 1974. Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II. — *Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), т. XXVIII*. — Л.